

чие в некоторых курганах украшений балтских типов может быть объяснено тем, что среди погребенных имелись представители местного балтского населения (отсюда — восточная, неславянская ориентировка захоронений). И это вполне правомерно, так как славянизация балтов продолжалась в течение нескольких столетий.

5. Одной из наиболее важных форм славяно-балтских контактов вообще и славяно-литовских контактов в частности была торговля. Основным товаром, поступавшим на земли современной Белоруссии из Прибалтики, был янтарь. На памятниках славяно-литовского порубежья куски необработанного янтаря и янтарные изделия встречаются повсеместно, начиная с эпохи бронзы и до позднего средневековья включительно. Особенно много янтаря обнаружено в городах (так, например, в Волковиске в одном месте найдено двадцать кусков необработанного янтаря, янтарные изделия в материале раскопок этого города представлены разнообразными привесками-крестиками, бусами, перстнями). Часть металлических украшений балтских типов на славянских средневековых памятниках тоже оказались, безусловно, в результате торговли.

6. О наличии тесных культурных контактов между славянами и литовцами свидетельствует их взаимное обогащение отдельными производственными навыками (в гончарном деле, обработке железа, домостроительстве и др.). Некоторые горшки из восточнолитовских курганов и расположенных недалеко славянских могильников почти не различимы (например, из Засвири и Навров). Литовские кузнецы, изготавливавшие из железа и стали самые различные изделия, успешно владели теми же технологическими приемами (ковкой, сваркой, цементацией, закалкой и др.), что и их славянские соседи. И на славянских, и на литовских памятниках встречаются абсолютно оди-

наковые железные орудия труда: косари, серпы (т.н. русско-литовского типа), инкрустированные ножи и др. И для белорусского, и для литовского домостроительства характерна столбовая техника возведения стен. (Последняя объединяющая особенность берет свое начало еще в материальной культуре балтских племен эпохи раннего железа).

7. Весьма значительные параллели между белорусами и литовцами прослеживаются в этнографии (в мифологии, элементах одежды, обуви и т.д.). Языковедами установлено балтское влияние на словарный фонд, фонетику и морфологию белорусского языка. Некоторые из этих параллелей и влияний восходят к глубокой древности, другие связаны с эпохой существования Великого княжества Литовского, включавшего в свой состав все белорусские земли, и с более поздним временем.

И.А.Дозе (Рига)

НАРВСКАЯ КУЛЬТУРА И ЕЕ МЕСТО В ЭТНОГЕНЕЗЕ НАРОДОВ ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКИ

При постановке вопросов этногенеза народов Восточной Прибалтики за последние полтора десятилетия значительный интерес приобрела нарвская культура. Выявленная ранненеолитическая культура (Гурина Н.А., 1955, 1967; Янитс Л.Ю., 1959; Загорские Ф.А., 1975; Ванкина Л.В., 1970; Дозе И.А., 1975; Rinantiené R., 1979) в настоящее время позволила составить достаточно полное представление об этнокультурной ситуации эпохи неолита изучаемой территории. В связи с разработкой этого вопроса нельзя не отметить, что с археологической точки зрения этнос этой культу-

ры еще слабо освещен в специальной литературе (Jaani L., 1965; Гурина Н.Н., 1967; Rimantienė R., 1979). Но тем не менее уже те доводы, которые высказаны в этой области, говорят об особой роли этой культуры при сложении совершенно определенных племенных групп, отождествляемых исследователями с предками протобалтского или финноязычного населения.

При попытке выявления места нарвской культуры в весьма сложной этнокультурной истории народов Восточной Прибалтики, необходимо рассматривать эту культуру в совокупности не только с культурами, в формировании которых она участвовала в качестве компонента, или с культурами, к которым она восходит, но и с культурами, оказавшими влияние на ее развитие в процессе их взаимодействия. Таким образом, нарвскую культуру следует рассматривать всего лишь как начальное звено в цепи развития неолитических культур, отражающих сложные этнические процессы на изучаемой территории.

В формировании нарвской культуры, по мнению исследователей (Гурина Н.Н., 1967; Никита Л.Ю., 1970; Rimantienė R., 1979), участвовала позднемезолитическая культура, что указывает на известную преемственность этих двух культур. Предполагается, что истоки нарвской культуры следует искать в позднемезолитической культуре Восточной Прибалтики, синхронной культуре Эртебелле Скандинавии. На этническую неоднородность нарвской культуры указывают антропологи, выявившие у племен этой культуры наличие двух антропологических типов (Денисова Р.Я., 1975). Археологами этот вопрос еще не разработан. Однако, следует отметить, что по структуре позднемезолитическая культура Восточной Прибалтики содержит в себе два компонента: один, восходящий к среднемезолитичес-

ческой культуре Кунда, другой, возможно, связан с пришлыми племенами.

С другой стороны, нарвская культура является первой но не последней культурой в развитии пористой по массе керамики Восточной Прибалтики. Именно поэтому и следует ее рассматривать в совокупности с последующими культурами. Для этой цели может быть использован орнамент керамики, которому, согласно установленной традиции, придается значение этнического признака (Фосс М.Е., 1952).

В итоге изучения орнаментальных мотивов всех трех групп пористой керамики (ранний, средний и поздний неолит), учитывая воздействие на орнаментацию этой керамики традиции гребенчатоямочной (средний неолит) и шнуровой керамики (поздний неолит), установлено, что пористая керамика на востоке и севере ареала нарвской культуры прошла весьма сложный путь развития, но тем не менее сохранила ряд черт в орнаментации общих для всех трех хронологических групп пористой керамики. Это позволяет предполагать, что нарвская керамика сыграла значительную роль в образовании средне-неолитической, пористой керамики. Подробное изучение орнаментации керамики ранней нарвской культуры указывает, что узоры, нанесенные гребенчатым штампом, характерны только лишь для северного и восточного ее вариантов, тогда как на юго-западе они полностью отсутствуют. Возможно, наличие в составе ранней нарвской керамики узоров гребенчатого штампа указывает на смешанный характер этнического состава этой культуры. На это указывает также различие в комплексах костяных и роговых изделий отдельных вариантов этой культуры. Из этого следует, что нарвская культура в этническом плане представляет собой доволь-

но сложное явление. Скорее всего, северный и северо-восточный ее варианты были этнически разнородными (орнаментальные композиции из оттисков гребенчатого штампа, нарезок, ямок и т.д.), а юго-западный однородным (полное отсутствие оттисков гребенчатого штампа).

Далее, исходя из мысли, что носители культуры среднеэолитической гребенчато-ямочной керамики (Моора Х.А., 1950; Яниго Л.Ю., 1956, 1959) были предками прибалтийских финнов (в том числе наличие оттисков гребенчатого штампа), есть полное основание предполагать, что носители нарвской культуры лишь на юго-западе ее ареала обладали этнической самостоятельностью.

Нарвская культура, послужившая в качестве компонента при формировании среднеэолитической культуры пористой керамики и сыгравшая также роль субстрата в процессе образования позднеэолитической пористой керамики, возможно составляет пласт населения на этнической карте неолитических культур Восточной Прибалтики, к которому вероятно восходят далекие истоки протобалтского населения.

А.Г. Митрофанов (Минск)

ПАМЯТНИКИ У-Х вв. БЕЛОРУССКО-ЛАТЫШСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

1. Территория белорусско-латышского пограничья (для Белоруссии это Миорский, Браславский, Верхне-Двинский и Россонский районы) в УШ в. до н.э. - IX-X в. н.э. была заселена различными племенами, но все они принадлежали к одной восточно-балтской языковой группе.

2. До середины I тысячел. н.э. эта территория в культурно-археологическом отношении не была однородной. На территории Браславского района были распространены памятники племен культуры штрихованной керамики (сосуды штрихованные, ребристых и баночных форм). К ним относятся, например, городища Масковичи, Ратвики (нижние слои) и др. В Миорском, Верхне-Двинском и Россонском районах - памятники племен днепро-двинской культуры (сосуды гладкостенные, горшковидных и баночных форм). К этой культуре относятся городища Язно и Поддубники, Понизово, Гвардейское, Шараги, Урагово (нижний слой) и Абрамово и т.д. В IV-V вв. н.э. памятники обеих культур прекратили свое существование.

3. В V-VI вв. н.э. вместо них на этой территории распространились памятники нескольких культур: а) территория Россонского, Верхне-Двинского районов и восточная половина Миорского являлась северо-западной окраиной ареала памятников племен банцеровской культуры (верхний слой городищ Урагово и Шулятино, янковичские курганные могильники и др.); б) на западе Миорского, а также, по-видимому, в Браславском и на смежной с ним территории Латвии и Литвы - памятники племен культуры поселений с облитой керамикой (Городище и селище Прудники и др.); в) в конце VI - нач. VII в. н.э. на территорию белорусско-латышского пограничья проникает новое население, оставившее памятники культуры длинных курганов. Обычно сам факт появления этих памятников исследователи связывают с началом проникновения в эти районы славянских племен - кривичей.

4. Таким образом, археологические исследования показывают, что в VIII-X вв. н.э. на территории белорусско-латышского пограничья обитало балто-славянское население. К числу балтских (ве-